

Рыцарь чистейшего образа

Мой родной город, мой Ярославль в преддверии своего 1000-летия живёт сложно и многокрасочно. В спорах о понимании истории и оценке современности, о сохранении культурного наследия и новом строительстве, в радости выхода в свет краеведческих книг и солидности научных конференций идёт подспудный, неназванный процесс: город пытается осознать себя. Но возможно ли это без осознания ценности каждого живущего и жившего ранее в городе человека? «Людей неинтересных в мире нет. / Их судьбы – как истории планет», – сказал поэт. А есть люди – совсем не обязательно большие начальники – без которых город просто был бы другим. И с их уходом город меняется – неуловимо, но и необратимо...

Таким человеком был Рафаэль Владимирович Кублицкий. Он умер в конце марта 2008 года. За два месяца до этого он отметил своё 90-летие. Хирург-онколог, много лет спасавший человеческие жизни на самом гибельном краю. Именно ему, Рафаэлю Владимировичу, Ярославль обязан организацией и дальнейшим развитием первого в городе онкологического отделения. Заслуженный врач России. А до этого – фронтовой хирург, прошедший Великую Отечественную войну от обороны Москвы в 1941 году до взятия Кёнигсберга в 1945-м. Человек, наделённый даром поэтического слова, талантом художника и ярким общественным темпераментом. Было отчего встать и долги аплодисментами приветствовать Рафаэля Владимировича в день его юбилея переполненному залу Ярославского Дома офицеров!

Но когда пришёл час и долгая, трудная, достойная жизнь завершилась, стало ясно, что дело не только в заслугах этого замечательного человека. С уходом Кублицкого город потерял часть своей неповторимости, потому что Рафаэль Владимирович был прежде всего неповторимой личностью. А без таких личностей город – и не город вовсе, а населённый пункт!

Рафаэль Владимирович был из тех людей, кто не по долгу профессии, а в силу душевной потребности делает жизнь своего города ярче, осмысленнее, человечнее. Ему мало было того, что сам он остро чувствовал и бережно передавал в своих картинах нежную красоту русских пейзажей. Мало и собственного проникновения в глубину мирового искусства, когда писал он копии картин великих мастеров. Мало счастливой возможности запечатлеть в фотографиях –

удивительно живых и образных – то пьянящее чувство разнообразия окружающего мира, которое давали ему поездки в дальние страны. Мало, когда всё это – только для себя. Ему необходимо было щедро делиться этим богатством с людьми – близкими и дальними. Отсюда – его известные в прежние годы выставки. Отсюда – многочисленные (до последних дней!) встречи и беседы, которые проводил он и в Доме офицеров, и в других местах города, но более всего – в любимой им, как он сам признавался, ярославской библиотеке имени Лермонтова. Как сотрудник библиотеки, я с благодарностью могу это подтвердить.

Сколько людей, в течение многих лет приходивших в нашу Лермонтовку на встречи с Кублицким, помнят его увлекательные рассказы о путешествиях и особенно – беседы о великих художниках! Андрей Рублёв и Питер Брейгель, Иероним Босх и Александр Иванов, Исаак Левитан и Сандро Боттичелли, Михаил Врубель и Валентин Серов и многие другие художники – все они были дороги Рафаэлю Владимировичу. Обо всех он рассказывал с обстоятельностью и даже некоторой дидактичностью учёного и душевным трепетом влюблённого в искусство человека. К каждой такой беседе он готовился подолгу, тщательно и ответственно. Помню, как-то лет десять назад он позвонил из больницы и сказал, что перенёс инфаркт. На мой вопрос, как он себя чувствует и не нужно ли что-нибудь ему принести, Рафаэль Владимирович ответил исчерпывающе: «Готовлюсь к лекции о Джотто. А принести мне надо книги по истории живописи раннего итальянского Возрождения». При этом он не только вникал в особенности творчества каждого

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

художника, но и по-человечески переживал все перипетии его жизни: жалел, возмущался, восхищался...

А год назад он провёл в нашей библиотеке беседу о... царице Нефертити! Именно о ней самой, а не только о её знаменитом скульптурном портрете. Казалось бы, какое отношение к нашей повседневноности имеет жизнь этой древнеегипетской царицы?! Но надо было видеть и слышать, с каким волнением и сочувствием говорил Рафаэль Владимирович о её несчастной судьбе – и с каким живым участием откликнулись на это слушатели! И неважно вдруг стали прошедшие тысячелетия, гром великих побед и грохот обваливающихся великих цивилизаций – осталась важной для нас живая и страдающая человеческая душа, затерянная во мгле времени... Это маленькое чудо человечности совершил Рафаэль Владимирович Кублицкий.

Чистая душа – вот что было главным в этом человеке. Чистая едва ли не детской, нетронутой чистотой – несмотря на всё, что перенёс он за 90 лет своей очень непростой жизни. Судьба не была к нему ласкова. В 1938 году (Рафаэлю тогда исполнилось 20 лет) его отец был безвинно арестован и погиб в магаданском лагере. В 1943-м увели в тюрьму, а потом сослали мать. Были полуголодные, со случайными подработками, студенческие годы. И самое главное – была война. Но и свет, и добро впитала его душа. Детство в заботливой, интелли-

гентной московской семье. Любовь к театру, вспыхнувшая в отрочестве и прошедшая через всю жизнь. Он занимался в молодости, одновременно с медицинским институтом, в вечерней театральной студии у корифеев МХАТа и даже с самим Станиславским имел возможность общаться! И, может быть, главный подарок судьбы – любовь к женщине, к жене Мире Исааковне. Она, как и сам Рафаэль, была фронтовичкой, медиком. Свадьбу они сыграли в освобождённом Кёнигсберге, сразу после Дня Победы. И прожили вместе 61 год. Смерть жены стала для Рафаэля Владимировича непроходимой болью, но и после её ухода он продолжал жить любовью к ней, духовная их связь не прерывалась.

А война... Как и всякого фронтовика, она не отпускала Рафаэля Владимировича. Мучила воспоминаниями, приходила в сны. Не мог он забыть страшных боёв под Ржевом, когда к их медсанбату со всех сторон ползли раненые и он оперировал трое суток без сна и отдыха, пока не свалился сам. И всё снился, снился ему многие годы после войны молодой солдатик, совсем мальчишка, раненный почти безнадежно и умолявший спасти его, но не было у фронтового хирурга права на очень сложную и долгую операцию: за это время умерли бы многие другие раненые, которых спасти можно было наверняка. Господи, какой страшный выбор! А девочка, повешенная вывочка, которую увидел он, войдя в только что освобождённый город. Бо-

тинок упал с её ноги, и этот ботиночек, эта вопиющая детская беззащитность навсегда врезались в сердце Рафаэля Владимировича... Да что там говорить, трудно даже представить себе, сколько ужаса, крови, грязи, страданий видел фронтовой хирург, прошедший страшную войну от начала до конца. Но душа сумела сохранить свою чистоту – видно, из очень чистых родников она питалась.

Среди стихов Рафаэля Владимировича – простодушные, безыскусные, но до глубины сердца искренние – меня поразили стихотворение «Сон». Снится автору, что он опять на фронте и видит лежащего на траве смертельно раненного молодого лейтенанта. Передаёт ему умирающий письмо для матери – «И всё... Душа его взлетела / В загадок полных дальние края. / Осталось мертвенное тело / И яркочерная трава». Не литературная форма тронула меня в этом стихотворении, а то тихое, светлое чувство, что в нём заложено. Целомудренное, молитвенное отношение к смерти... И это – у фронтового хирурга, который мог бы, как любой солдат, повторить за поэтом: «Война – тяжёлая работа». Чистая душа Рафаэля Владимировича и на войне оставалась самой собой.

А ещё я могу сказать, что доктор Кублицкий, каким мне довелось его знать, очень напоминал Дон Кихота – и не только высоким ростом и худощавостью. С каким жаром он бросался в словесный бой с бесконечными и непобедимыми, как ветряные мельницы, проявлениями безнравственности и бескультуры! Падение культуры в России было его личной болью. И он, выступая в самых разных аудиториях, горячо призывал неслышащее его правительство к возрождению интеллигентности, к спасению культуры! Среди художественных работ Рафаэля Владимировича – картин, рисунков, чеканок, масок – есть и вылепленная им маска Дон Кихота. Изумлённо поднятая бровь, трагическое, страдающее лицо... Несовременен мир, и не одолеть это несовершенство Рыцарю печаль-

ного образа. Но какое счастье для всех нас, что есть ещё на свете люди, напоминающие этого рыцаря. И что был в Ярославле и останется в памяти Рафаэль Владимирович Кублицкий, чистая душа. Так не побоямся же высокого стиля и дерзнём назвать его: Рыцарь чистейшего образа. Он это вполне заслужил.

Рафаэль Владимирович умер поздно вечером или ночью накануне того дня, когда он должен был выступить в Лермонтовской библиотеке с лекцией о Марии Башкирцевой – русской художнице XIX века, рано ушедшей из жизни и в искусстве неясной и почти забытой кометой... Он очень хотел рассказать о ней и, чувствуя приближение конца, боялся, что может не успеть. Он не успел совсем чуть-чуть. «Душа его взлетела...» А лицо осталось ясным, светлым и глубоко спокойным.

А люди, собравшиеся в библиотеке для встречи с Кублицким и ничего ещё не знавшие, в ожидании его прихода слушали сообщение организатора вечера о том, что одна десятилетняя девочка по имени Юлия нуждается для спасения жизни в срочной операции и дорогостоящем лечении. И люди тут же – кто сколько мог – собрали деньги для Юли. Получилась довольно значительная сумма, наш сильный вклад в дело спасения ребёнка. Люди, пришедшие в этот вечер на лекцию Рафаэля Владимировича, явно не были богатыми. Но это были в большинстве своём постоянные его слушатели. Слушатели Кублицкого – этим всё сказано.

Недавно я узнала, что Юле сделали сложнейшую операцию – и прошла она нормально. Девочка должна жить. И то, что о её спасении заботились среди многих других и те люди, которых собралось вместе имя Кублицкого, усиливает надежду. Старый доктор тихо ушёл из жизни, но через своих слушателей как бы протянул ребёнку эстафетную палочку: живи, Юленька!

А утрата всё-таки невосполнима... Будем помнить Рафаэля Владимировича Кублицкого – врача, фронтовика, художника и поэта – Рыцаря чистейшего образа.

Ирина ШИХВАРГЕР.